

Император Костя

Русский телеграф, -1998 -4 апр. - с. 11

И что бы нам помешало отправить эту информацию в общую копилку, где хранятся случаи острого просветления у артистов? Там уже есть много ослепительного: и певичка Светлана Владимирская, на которую напала благодать после визита к отцу Виссариону, возводящему Город Солнца в районе Минусинска, и Охлобыстин Иван, рвущийся стать буревестником Московской патриархии, и Екатерина Васильева, плавню перекочевавшая из сериала «Королева Марго» в сериал «Дай денег — Христос и воскреснет»... Если человек, несущий весть о неизреченной премудрости Всевышнего на телевидении, не понимает, что перед ним будет реклама презервативов, а после него — реклама подгузников, и стало быть, впечатление от его благого сообщения получится несколько комическое, разъяснять ничего не надо. Все идет своим уготованным чередом. Печаль заключена в двух весомых обстоятельствах.

Во-первых, Константин Кинчев — человек исключительно прямой и нелицемерный. Когда он говорит о православии, то производит гораздо менее противное впечатление, чем Никита Михалков, толкующий о самодержавии, или Роман Виктюк, рассуждающий о любви. Если пионер-герой Костя Кинчев въехал в православие, то он сделал это всем дымом и от всей души. И ничего теперь в его песнях, кроме вариаций на тему: «Господи, помилуй нас, грешных, но православных», мы не услышим.

Во-вторых, за десять с лишним лет своей жизни рок-группа «Алиса» породила целую армию фанов, являющих собой довольно крупный факт отечественной массовой культуры и отечественного массового бескультурья. Если ваш поезд останавливается посреди пустыни и там есть столб, то на нем будет написано с одной стороны — что положено, а с другой — «Алиса», «Костя», «Мы вместе» с характерным росчерком, прекрасном известным населению. Этим исписаны все наши загаженные подъезды и засанные лифты, все измызганные подворотни и облупленные стены домов. Уже трудно себе представить, что было время, когда этого культа не существовало.

Фан «Алисы» — юное создание дикого вида в черной куртке и узких брюках с портретом Вождя на майке и красным шарфом на шее, причесанный под Костю-85... Костю-98, — водится большими стаями и отличается лихой повадкой и крайней необузданностью. С «Алисы» начинается его знакомство с мировой культурой и «Алисой» же заканчивается. Не говорю, что таковы все любители прославленной группы, но несомненно, что таковы боевые отряды самых рьяных ее сторонников. Это их Константин Кинчев решил заставить теперь реветь «Мы православные!»

Об чем базар? Конечно, они и это проорут, им ведь без разницы. Пламенно борющийся с наркотиками Кинчев сам для своих фанов является крупным наркотиком, действующим, видимо, в ограниченном возрастном диапазоне, поскольку классическому фану «Алисы» никогда не бывает больше 18. Энергетическое воздействие Кинчева на аудиторию «от 14 до 18» носит все характерные признаки наркотического одурения вплоть до ломок и жажды новой дозы.

В прошлую пятницу в программе Александра Любимова «Взгляд», посвященной борьбе с наркотиками, появился классик русского рок-н-ролла, лидер группы «Алиса» Константин Кинчев. На вопрос, является ли нынче актуальным для самого Кинчева и его публики знаменитый лозунг «Мы вместе!», Кинчев отвечал, что да, но важно, в чем именно «мы вместе». «Я тут сочинил песню — добавил он, разъярясь, — под названием «Мы — православные!»»

Да, хотелось бы взглянуть на эту фантастическую картину — картину обращения Константином Кинчевым своей армии в православие. Будет ли это на Москвеечке или на Неве-реке — местах наибольшего скопления гвардейцев «Алисы»? Станет ли император Костя, подобно своему историческому прообразу императору Константину, обратившему в христианство Рим, основывать Константинополь? Прибавится ли к традиционной наскальной живописи алисоманов кроме «Костя» и «Мы вместе» также «Христос воскрес» и «Мы православные»?

К судьбе Константина Кинчева вполне применимо затрепанное в 70-х годах словосочетание «трагедия художника» (тогда, ясное дело, речь шла о трагедии художника в буржуазном обществе). Как только он появился на сцене в 1985—1987 гг., мало у кого оставались сомнения, что нам послан очевидный талант: причем достаточно универсальный. Поэтические способности и мелодический дар, незаурядное актерское мастерство, выразительная внешность и сильный го-

подтвердило курехинскую правоту. Несколько ярких людей (Гребенщиков, Кинчев, Цой, Шевчук, Бутусов, Сукачев, Чистяков), появившихся на заре перестройки, пришедших на сцену, дабы рассказать современникам, что они думают о нашей жизни, сделали это под электрогитары. Вот и весь русский рок. Это процесс был частью идеологического обеспечения грядущей бужуазно-демократической революции, о чем тогда никто не знал. Вскоре выяснилось, что «в белом венчике из роз» впереди не Иисус Христос, а, в лучшем случае, Анатолий Чубайс. Романтическим натурам русских рок-н-рольщиков это было чуждо. Они заклинали ветра и зывали к солнцу — а время подсунило им грязный рынок, Б.А. Березовского в качестве покровителя искусств и вдохновенное вражье Великого Государя. Причем подсунило с лукавой репликой: «А вы этого и добивались, мальчики, разваливая империю!»

Чужие формы, заемные ритмы быстро осыпались с грустных русских мальчиков, резко повзрослевших и навсегда опечаленных, и ос-

поскольку они в них ничего не соображали. Он мог впадать в изысканную мистику, удаляться в крайности демонизма, проявлять тонкую иронию, подражать Гумилеву или Хлебникову — они проглатывали все как очередную дозу. Однажды я видела, как стая алисовцев человек в 50, перевернув пару-тройку урн и сказав ночному ветру все, что они думают о «ментах-козлах», завывла следующий кинчевский текст: «Где разорвана связь между солнцем и птицей — связь между солнцем и птицей звезды, земляника да кости по полянам, где туманы, как ил, проповедают мхам откровения дна, где хула, как молитва — там иду я».

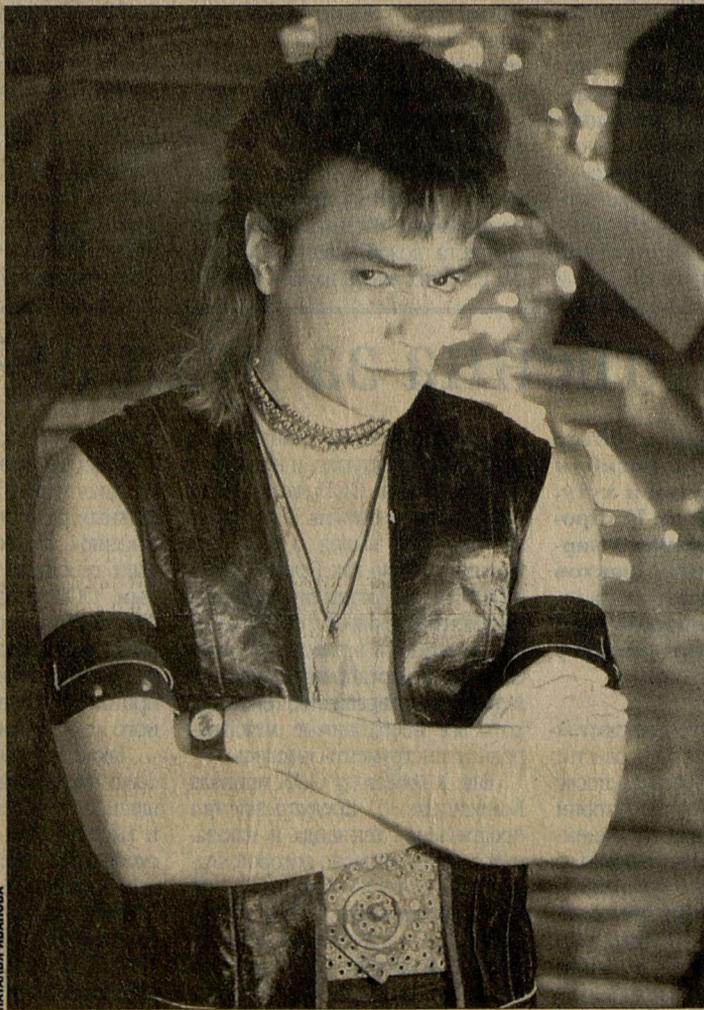
А если учесть, что по степени внешней устранимости алисоманы стоят где-то между активными фанатами «Спартака» и наиболее упертыми сторонниками Жириновского, неудивительно, что мирные обыватели, тихие любители изящных искусств шарахаются подальше от всех этих прелестей.

Неподражаемо рассказывавший анекдоты, владевший многими оттенками иронической и комической интонации, живой, нервно-подвижный, артистичный Кинчев совсем потерял юмор и заоченел в сознании некой высокой и ответственной миссии. Было ли ему знамение, как императору Константину, увидевшему крест на солнце со словами «Здесь твоя победа», — неизвестно. Но император Костя явно готов привести руины советской империи под знамена истинной веры. Пародийности выбранной эстетики он, очевидно, не замечает. О свободе выбора и самостоятельности человеческого пути ему теперь все ясно: самость есть зло, смирение паче гордости.

Как заметил совершенно пророчески Василий Васильевич Розанов, видимо, в земную жизнь замешан неизбежимый процент пошлости. «Пройдет пошлость позитивистская, наступит пошлость христианская. О, эти смиренные христиане с глазами гиен! О!О!О!», — так и возопил Розанов четыре раза, только сейчас обретая понимающую аудиторию. Мое-то дело дохлое, ибо о Великом посте критические статьи писать — ясно, какую участь себе готовить. Но, по крайней мере, я в этой участи не встречу с холодными, лицемерными, трескучими, толстобородыми «отцами», важно и выспренне поучающими людей в делах, в которых они ничего не смыслят и сильно озабоченными тем, чтобы на моем лице не было косметики, а на голове красовался смиренный платочек. Христос нас лобит в юбке, в брюках же не лобит!

Константин Кинчев — не фарисей и не конъюнктурщик. Он искренне верит в свою правоту. С той же искренностью несколько лет назад он пребывал в образе демона из некрутых, но взыскующих света. Он остается одним из талантливейших наших современников, если вспомнить хотя бы недавний альбом «Джаз». Просто некуда русскому богатырю, как всегда, преклонить головушку. Вечные русские крайности: либо кабак, либо монастырь. Кабак исчерпан. В монастырь — рано. (А жен и детей кто будет кормить? И тех, и других у Константина множество.) Вот тут и пляши на лезвии бритвы. Вот и зарабатывай пением гимна «Мы вместе, православные!», с тоской вспоминая времена, когда было «Солнце за нас». Как нам казалось.

Татьяна Москвина

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА

лос, моментальное овладение аудиторией — все было обещанием счастья. Что-то, конечно, сбилось, и Костя Кинчев — явная звезда русского рока. Да только что это такое — русский рок? Втискивая свой талант в эти искусственные рамки — и узкие и ненужные ему, не остается ли Кинчев на обочине культуры, так и не выбившись к настоящей своей аудитории?

Покойный Сергей Курехин как-то съязвил, что весь наш рок-н-ролл в сущности авторская песня, только под электрогитары. Время

талося им просто-напросто петь русские песни, когда удачно, а когда нет, сопровождая свои песни, раз уж так вышло, электрогитарами.

Кинчев цеплялся за рок-н-ролл дольше всех. Отчасти из-за присущего ему упрямства, отчасти потому, что к его ураганному сценическому темпераменту это довольно подходящая стихия. Обладая временным свойством звезды — вызывать любовь к себе — он ею и стал, возглавив армию диких фанов, согласных разделять все метания его художественной природы,